

На правах рукописи

Колос

005056924

Коломина Анастасия Анатольевна

КОРЕЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ ИСТОРИОПИСАНИЯ
И ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАВМА КОРЕЙСКОГО НАРОДА

07.00.09 – Историография,
источниковедение и методы исторического исследования

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

6 ДЕК 2012

Томск 2012

23

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» на кафедре истории древнего мира, средних веков и методологии истории

Научный руководитель: доктор исторических наук, доцент
Трубникова Наталья Валерьевна

Официальные оппоненты:

Дацышен Владимир Григорьевич,
доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Сибирский федеральный университет», кафедра всеобщей истории, заведующий кафедрой

Куперт Юрий Васильевич,
доктор исторических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», кафедра истории и документоведения, профессор

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Нижевартовский государственный гуманитарный университет» (г. Нижневартовск)

Защита состоится 26 декабря в 14.00 на заседании диссертационного совета Д 212.267.03, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

11

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного университета.

Автореферат разослан 20 ноября 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Шевцов Вячеслав Вениаминович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Будучи одной из древнейших в мире, корейская историографическая традиция до сих пор остается малоизученной. Большинство ученых, при обращении к вопросу об историописании на Дальнем Востоке, акцентирует внимание на том, как к созданию исторических сочинений относились в Китае. Действительно, китайская (конфуцианская) традиция историописания распространилась далеко за пределы Поднебесной и пустила глубокие корни в странах Северо-Восточной Азии. Однако также как и само учение Конфуция, конфуцианская историографическая традиция в третьих странах приобретала формы, несколько отличавшиеся от тех, что существовали в Поднебесной империи. Это утверждение относится и к Корейскому полуострову. Поэтому изучение подхода корейцев к проблеме историописания является необходимым условием для понимания общего процесса развития историографии в регионе. Ограничение исследования указанной темы лишь генезисом китайской историографии будет сродни рассмотрению западной историографической традиции как единого целого, что в корне неверно. Также как в западной историографии существует деление на немецкую, французскую, английскую национальные традиции, в восточной необходимо выделить, наряду с китайской, японскую и корейскую, которые зачастую остаются в тени.

Необходимость изучения корейской историографии не ограничивается лишь научными рамками, она сформирована и ясным социальным посылом. Историография является неотъемлемой (и наиболее рафинированной) частью процесса формирования и бытования национального самосознания, которое приобретает в Корее сложные, подчас трагичные и противоречивые формы.

Многие специалисты по истории Кореи указывают на тот факт, что до конца XIX – начала XX вв. историческое, а, следовательно, и национальное сознание жителей Корейского полуострова было недостаточно развито. Во многом этому способствовало вассальное положение Кореи по отношению к Китаю вплоть до 1895 г., а также сложившаяся в конфуцианской ойкумене традиция историописания, доступная лишь элитарному сословию.

Краткий период независимости Кореи сменился рядом новых серьезных потрясений: корейский народ пережил эпоху японского колониализма, раскол страны, гражданскую войну, имевших свое продолжение и в начале века нынешнего

в виде второго северокорейского ядерного кризиса 2002 г. и нерешенности вопроса об объединении государства.

Столь тяжелые потрясения стали причиной исторической травмы национального самосознания корейцев. Несмотря на то, что в настоящее время создается видимость преодоления негативных последствий вышеперечисленных событий, потеря национальной независимости и государственный раскол являются слишком тяжелыми ударами для нации, чтобы «излечиться» от них за такой короткий срок.

Одним из подходов к преодолению последствий травмы национальной идентичности является постепенное создание новой. В последнее время в Республике Корея все чаще стали говорить о создании новой национальной идентичности – южнокорейской. В ее пользу свидетельствует тот факт, что жители Республики Корея все чаще воспринимают КНДР как отдельное, независимое государство. Однако можно говорить лишь о начале формирования новой южнокорейской идентичности, так как подавляющее большинство южан согласно с тем, что население Корейского полуострова по обе стороны от 38-й параллели является представителями одной национальности.

Таким образом, актуальность проблемы изучения историографической традиции Корейского полуострова и исторической травмы корейского народа тесно связана с вопросом о том, в каком направлении будет эволюционировать национальное самосознание жителей Республики Корея и КНДР в веке нынешнем.

Степень изученности темы. всю литературу по интересующей нас теме можно условно разделить на три блока: российская, корейская и западная историография.

Отечественные кореееды стали обращаться к проблеме развития летописания на Корейском полуострове еще в 1960-70-е гг., когда, по мнению Л.Р. Концевича, одного из ведущих российских специалистов-корееедов, произошла закладка фундамента данного научного направления в нашей стране.

«Самгук саги»¹ Ким Бусика в переводе М.Н. Пака стала, по сути, первым крупным средневековым памятником корейской письменности, переведенным на русский язык и изданным в нашей стране. В предисловии к работе вместе с общей характеристикой «Самгук саги» М.Н. Пак представил краткий экскурс в проблему

¹ Ким Бусик. Самгук Саги : в 2 т. М., 2001. Т. 1.

развития корейской историографии. Акцент сделан на первых летописях Корейского полуострова, в частности, в статье охарактеризованы исторические сочинения Трех государств – Когурё, Пэкче и Силла, так как именно на них опирались авторы при написании «Самгук саги». На данный момент эта летопись остается единственным крупным историческим сочинением корейского народа, изданным на русском языке.

Обзорно проблема становления и развития историографии на Корейском полуострове представлена в трудах, посвященных истории Кореи или же отдельным историческим эпохам на Корейском полуострове. Из работ современных российских авторов можно назвать труды С.О. Курбанова² и И.А. Толстокулакова³. Известные отечественные корееведы обратились к этой проблеме в рамках рассмотрения вопроса об эволюции корейской культуры. Не вдаваясь в конкретику, они ограничились общей характеристикой векторов развития историографии во времена правления различных корейских династий.

Среди работ, посвященных непосредственно историческим сочинениям Корейского полуострова, особое место занимает исследование Т.М. Симбирцевой⁴. Автор сделала краткий анализ развития историописания в Древней Корее и подробно разобрала процесс создания «Чосон ванджо силлок» – главной исторической хроники периода правления династии Ли, перечислив все документы, использовавшиеся историками при ее компиляции. Однако данная работа не ограничивается лишь историей создания средневековых летописей Кореи. Т.М. Симбирцева проследила их судьбу вплоть до нынешнего момента и обозначила роль, которую они играют в жизни современного корейского общества.

Анализ отдельных исторических сочинений Кореи был сделан С.О. Курбановым⁵, Л.Р. Троцевичем⁶ и В.М. Тихоновым⁷. Последний посвятил свою

² Курбанов С.О. История Кореи: с древности до начала XXI в. СПб., 2009.

³ Толстокулаков И.А. Культура государства Чосон [Электронный ресурс] // Корё сарам: записки о корейцах. Электрон. текст. дан. [Б.м.], 2010. URL: <http://kore-saram.ru/kultura-gosudarstva-coson> (дата обращения: 11.04.2012).

⁴ Симбирцева Т.М. Средневековые летописи Кореи: новое прочтение в эпоху глобализации [Электронный ресурс] // Корё сарам : записки о корейцах. Электрон. текст. дан. [Б.м.], 2009. URL: <http://kore-saram.ru/Articles/ArticleInfo.aspx?Id=c78df96f-5064-415d-9bf7-23d4c0b582d3> (дата обращения: 11.03.2012).

⁵ Курбанов С.О. Биография конфуцианцев в неофициальной истории династии Корё «Мокчэ касук хвнчхан ёса» // Российское корееведение : альманах. М., 2003. Вып. 3.

⁶ Троцевич А.Ф. Рукописные собрания «неофициальных историй» (яса) в библиотеке Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета // Российское корееведение : альманах. М., 2001. Вып. 2.

⁷ Тихонов В.М. Фрагменты из «Карак-кукки» (к вопросу о «северном» и «южном» компонентах в этногенезе корейцев) // Российское корееведение : альманах. М., 2003. Вып. 3.

работу проблеме исследования «южного» и «северного» компонентов в этногенезе корейцев, взяв за основу «Карук-кукки» - летопись Кая. Не преследуя цели сделать подробный разбор данного источника, он представил его беглый анализ и рассказал об истории создания.

С.О. Курбанов и Л.Р. Троцевич занимались изучением «неофициальных историй» Корейского полуострова – «яса». Будучи независимыми, а, следовательно, свободными от государственной идеологии, «яса» представляют большой интерес как источники «альтернативной» истории.

Значительно большее внимание вопросам своей национальной традиции историописания уделили корейские исследователи. В 1980 г. Чхве Инхо⁸ представил работу, посвященную истории развития корейской историографии. Автор начал свое исследование с изучения китайских летописей, в которых впервые упоминалось о населении Корейского полуострова, и далее проанализировал эволюцию корейской историографии на разных этапах исторического развития корейского государства и общества. В заключении Чхве Инхо отметил, что данная отрасль знаний практически не развита и, за исключением нескольких работ, до 1980-х гг. в Корее не существовало исследований, освещавших историю корейской историографии.

Общие работы, посвященные проблеме развития корейской историографии в XX в., появились в Республике Корея в последние десятилетия. Квон Ёнун⁹ на пороге нового столетия решил подвести итоги тем изменениям, которые произошли в историографической науке Кореи за последние 100 лет. Начав свое исследование с «низвержения» на Корейском полуострове конфуцианской традиции историописания, автор представил историю проникновения и развития новых подходов к изучению прошлого, привнесенных в Корею с Запада через Японию и частично Китай – национального, ранкеанского (позитивистского) и марксистского. Последующие два раздела работы посвящены историографии Северной и Южной Кореи соответственно. Квон Ёнун является одним из немногих, кто проанализировал проблему развития историографии на севере Корейского полуострова после капитуляции Японии. Автор отметил, что своей консолидации северо-корейская историография достигла в 1960-х гг. и к 1980-м гг. смогла

⁸ Choi Yng-ho. An Outline History of Korean Historiography // Korean Studies. 1980. Vol. 4.

⁹ Kwon Yonung. Korean Historiography in the 20th Century: a Configuration of Paradigms // Korean Journal. 2000. Spring.

завершить написание национальной истории с позиций идей «чучхе». Исследуя южнокорейскую историографию, автор сделал особый акцент на популяризации исторической тематики в стране, начиная с 1980-х гг. В заключительном разделе статьи Квон Ёнун представил перспективы дальнейшего развития корейской традиции историописания.

Проблема становления корейской историографии второй половины XX в. также представлена в работе Мина Хёнку «Основные направления изучения современной корейской историографии 1945-2000»¹⁰.

Большое внимание проблеме развития национальной традиции историописания уделено в работе Хана Ёну¹¹, южнокорейского историка. Автор посвятил проблеме становления историографии на Корейском полуострове несколько разделов своего труда по истории Кореи.

Наряду с общей рефлексией о развитии на Корейском полуострове национальной традиции историописания южнокорейские ученые исследовали отдельные письменные источники, такие как летопись «Чосон ванджо силлок»¹² и книги ритуалов «ыйгве»¹³. Традиции написания последних был посвящен один из выпусков журнала «Korea Journal», в рамках которого было издано пять статей, рассказывающих о роли «ыйгве» в описании придворных ритуалов времени правления династии Ли¹⁴.

На рубеже XX-XXI вв. южнокорейские специалисты обратились к проблеме переосмысления отдельных травматичных событий из истории страны. Наиболее популярной стала тема воспоминаний о Корейской войне 1950-1953 гг. Ким Сьюзи Чиён¹⁵ и Чон Сынхи¹⁶ применили как исследовательских ресурс южнокорейскую

¹⁰ Min Hyonku. Trends in the Study of Modern Korean History, 1945-2000 // International Journal of Korean History. 2003. Vol. 5.

¹¹ Han Young Woo. A Review of Korean History : in 3 vol. : transl. from kor. [S.l.], 2010 Vol. 1 : Ancient / Goryeo Era; Vol. 2 : Joseon Era.

¹² Exploring Korean History Through World Heritage. [S.l.], 2010.

¹³ Yi Song-Mi. Eui-gwe and the documentation of Joseon Court Ritual Life // Archives of Asian Art. 2008. Vol. 58.

¹⁴ Kim Ji-young. Politics of Royal Rituals and Banchado Illustrations of Uigwe in the Late Joseon // Korea Journal. 2008. Summer; Kim Jong Su. Royal Banquets and Uigwe During Late Joseon Period // Korea Journal. 2008. Summer; Kim Moonsik. Royal Visits and Protocols in the Joseon Dynasty: Focusing on Wonhaeng Eulmyo Jeongni Uigwe Compiled During King Jeongjo's Reign // Korea Journal. 2008. Summer; Park Chan Seung. Unearthing Joseon Court Life from Uigwe, Joseon's Documentary Heritage // Korea Journal. 2008. Summer; Shin Byung Ju. Court Life and the Compilation of Uigwe During the late Joseon // Korea Journal. 2008. Summer.

¹⁵ Kim Susie Jie Young. Remembering Trauma: History and Counter-Memories in Korean Fiction // Manoa. 1999. Vol. 11, no. 2.

¹⁶ Jeon Seung-Hee. War Trauma, Memories, and Truths: Representation of the Korean War in Park Wan-so's Writings and in «Still Present Pasts» // Critical Asian Studies. 2010. Vol. 42, no. 4.

художественную прозу. Ученые проанализировали работы авторов – непосредственных участников трагических событий середины прошлого столетия и пришли к выводу, что именно посредством новелл им удалось выразить всю тяжесть пережитого и таким образом освободиться от груза прошлых воспоминаний. Тема Корейской войны также присутствует в работах Хана Мёнхи¹⁷ и Ли Хёнджу¹⁸, которые попытались показать, каким образом изменилось ее восприятие в XXI в.

С проблемой памяти тесно связаны вопросы о становлении национализма и последующей травме национальной идентичности на Корейском полуострове, которые активно обсуждаются корейскими и западными специалистами. Ущемление национального достоинства, вызванное японской оккупацией, спровоцировало у корейцев повышенный интерес к собственному прошлому, а раскол страны заставил по-новому взглянуть на настоящее и будущее. Однако, изучение раскола Кореи как национальной травмы, несмотря на разработанность теории травмы и ее актуальность в современной науке, остается в современном мировом корееведении мало востребованной темой.

В южнокорейской историографии присутствует мотив изучения «мест памяти», среди которых выделяют память о войне 1950-1953 гг., дворец Кёнбоккун – символ власти династии Ли и, впоследствии, колониальная резиденция японского генерал-губернатора¹⁹, вехи развития национального кинематографа, ставшего средством антикоммунистического воспитания масс²⁰ и демилитаризованную зону – символ раскола страны²¹.

В западном корееведении проблема эволюции историографической традиции Корейского полуострова, как и в России, не является востребованной. Причиной того можно считать общий низкий уровень развития корееведения в мире. По данным организации «Korea Foundation»²² корееведческие отделения существуют в 735 университетах в 62 странах мира, но этот совокупный интеллектуальный вектор

¹⁷ Hahn Myung-hee. *Wartime Trauma Etched Deeply in the Korean Heart* // *Koreana*. 2010. Summer.

¹⁸ Lee Hyeon Ju. *Remembering and Forgetting the Korean War in the Republic of Korea* // *Suomen Antropologi* : Journal of the Finnish Anthropological Society. 2010. No. 2.

¹⁹ Choi Jongdeok. *The Palace, the City and the Past: Controversies Surrounding the Rebuilding of the Gyongbok Palace in Seoul, 1990-2010* // *Planning Perspectives*. 2010. Vol. 25, no. 2.

²⁰ Shim Ae-Gyung. *Anticommunist War Films of the 1960s and the Korean Cinema's Early Genre-Bending Traditions* // *Acta Koreana*. 2011. Vol. 14.

²¹ Kim Suk-Young. *Staging the «Cartography of Paradox»: the DMZ Special Exhibition at the Korean War Memorial, Seoul* // *Theatre Journal*. 2011. No. 63.

²² Korea Foundation [Electronic resource]. : official web-site. Electronic data. URL: <http://www.kf.or.kr/eng/main/index.asp> (access date: 10.11.2011).

не ставит перед собой целью формирование целостного образа корейской историографии. За гранью исследований, как правило, остается древняя и средневековая история Кореи, численно и тематически доминируют более «актуальные» вопросы, такие, как современное экономическое развитие страны, межкорейские отношения и ядерный кризис.

Наглядным примером подобного состояния может послужить история развития корееведения в США. Американцы стали активно изучать своего западного соседа лишь с началом второй мировой войны, так как стране нужны были разведчики, способные работать на Корейском полуострове. Однако уже в 1950-1960-е гг. корееведение перестало вызывать интерес у исследователей, а акцент был перенесен на изучение Японии и Китая. Спорадические же всплески интереса к Корее были связаны с событиями, имеющими международное значение – Сеульская Олимпиада 1988 г., продовольственный кризис в КНДР и т.д.

М. Д. Шин называет и другие причины низкого уровня развития корееведения в Северной Америке – это ограниченное количество специализированных журналов, которые к тому же испытывают значительные трудности с изданием, а также малочисленность специализированных конференций. Те же самые проблемы существуют и в европейском корееведении.

Наиболее общей работой по вопросу о развитии историописания в Корее является труд Д. Бэйкера²³, в котором схематично представлены основные вехи становления историографии на Корейском полуострове вплоть до настоящего времени. В исследованиях Р.Е. Брёкера²⁴, О. Миллера²⁵ и К.М. Уэллса²⁶ проблемы корейской исторической науки освещены более подробно. Работа первого автора посвящена развитию историографии в государстве Корё, сделаны акценты на важнейших этапах эволюции историописания в средневековой Корее, отмечены ее отличительные черты. Труд Р.Е. Брёкера представляет собой замечательный источник для изучения средневековой корейской традиции историописания.

²³ Baker D. *Histories and Counter-Histories: Writing the History of the Korean People, in the Past, the Present, and the Future* [Electronic resource] // Don Baker's Site. Korean history and religion. Electronic data. [S.l.], 2011. URL: http://ubcdbaker.shawwebspace.ca/asset/view/5653/histories_counterhistories.pdf (access date: 28.12.2011).

²⁴ Breuker R. E. *Writing History in Koryo* // *Korean Histories*. 2010. Vol. 2, no. 1.

²⁵ Miller O. *Marxism and East Asian History from Eurocentrism and Nationalism to Marxist Universalism* // *Marxism* 21. 2010. Vol. 7, no. 2; Miller O. *The Idea of Stagnation in Korean Historiography: from Fukuda Tokuzo to the New Right* // *Korean Histories*. 2010. Vol. 2, no. 1.

²⁶ Wells K.M. *The Nation, the World, and the Dissolution of the Shin'ganhoe: Nationalist Historiography in South Korea* // *Korean Studies*. 2001. Vol. 25, no. 2.

О. Миллер в своих сочинениях анализирует процесс развития в оккупированной, а также послевоенной Корее исторического материализма и в его русле – «теории стагнации». Он отмечает, что вслед за японскими учеными, пытавшимися доказать отсталость корейской нации, многие корейцы сами стали приверженцами этой теории. Однако цели они преследовали совершенно другие: обратившись к историческому материализму, они пытались доказать, что оккупация является лишь одним из этапов развития страны и что в скором будущем корейцы вновь обретут свою государственность.

Развитие на Корейском полуострове национального подхода к истории охарактеризовано в работе К.М. Уэллса. Автор пришел к выводу, что глобализация как общемировая тенденция, привела в Корее к развитию феномена «глокализации». Другими словами, открытие Кореи внешнему миру и встраивание государства в мировую систему стало одной из причин обращения нации к собственным корням.

Проблема трансформации национальной идентичности корейского народа также попадает в фокус внимания некоторых западных исследователей. В 1986 г. вышла работа американского исследователя М. Робинсона²⁷, в которой автор рассмотрел проблему эволюции национального самосознания корейцев на рубеже XIX-XX вв. Большой вклад в развитие национального самосознания жителей Кореи в данный период внесли члены «Общества независимости», которые на протяжении недолгого времени (1896-1898 гг.) пытались «научить» корейцев быть единой независимой нацией, гордящейся своим прошлым²⁸.

Р. Блейкер и Д. Хундт²⁹ с точки зрения рефлексии о «колониальном синдроме» корейской исторической памяти проанализировали стихи южнокорейского поэта Ко Уна.

Таким образом, существует обширный круг работ российских, корейских и западных ученых, посвященных отдельным аспектам истории исторической мысли и исторического сознания корейского народа. Однако систематических исследований в рамках заявленной темы диссертационного исследования не проводилось.

²⁷ Robinson M.E. Nationalism and the Korean Tradition, 1896-1920: Iconoclasm, Reform and National Identity // Korean Studies. 1986. Vol. 10.

²⁸ Vipan Chandra. Sentiment and Ideology in the Nationalism of the Independence Club (1896-1898) // Korean Studies. 1986. Vol. 10.

²⁹ Bleiker R., Hundt D. Ko Un and the Poetics of Postcolonial Identity // Global Society. 2010. Vol. 24, no. 3.

Целью данной работы является исследование процесса развития исторической мысли на Корейском полуострове, а также истоков, проявлений и способов преодоления исторической травмы национального самосознания корейцев, полученной в XX в.

В диссертации поставлены следующие исследовательские *задачи*:

1) изучить конфуцианскую традицию историописания, доминировавшую в странах Дальнего Востока, и выявить ее отличительные черты в Корее с точки зрения классической китайской и западной традиций;

2) определить основные этапы развития историографии на Корейском полуострове в контексте конкретно-исторических условий;

3) оценить степень изученности корейской традиции историописания в современной историографии;

4) обосновать роль историографии в развитии национальной исторической мысли и национальной идентичности жителей Корейского полуострова;

5) выявить последовательную череду событий, которые могут быть расценены как травмирующие, то есть ставшие причиной травмы национального самосознания корейцев;

6) исследовать проблему национальной исторической травмы как фактора, определяющего современные межкорейские отношения.

Объект исследования формирует эволюция традиции историописания и исторического сознания в целом на Корейском полуострове.

Предмет исследования составляют становление корейской национальной историографии и рефлексия об исторической травме корейского народа во второй половине XX – начале XXI вв.

Хронологические рамки диссертационного исследования довольно широки, что обусловлено самой темой работы. Они охватывают период с VI в. – времени создания первых исторических сочинений в Когурё, Пэкче и Силла, с которых ведет свое начало корейская историография, – до начала XXI в. Это позволяет воссоздать процесс эволюции корейской традиции историописания и национального самосознания корейцев вплоть до нынешнего столетия.

Территориальные рамки диссертационного сочинения, охватывающие область формирования историографической традиции Кореи, ограничиваются зоной

исторической локализации – Корейским полуостровом. Однако в связи с малоизученностью проблемы развития исторической науки на Севере Корейского полуострова, а также труднодоступностью достоверных источников по современному положению в КНДР, вторая глава диссертационного исследования, посвященная современным аспектам историографии и исторического сознания, ограничена территорией Республики Корея. В связи с широтой объекта исследования, в некоторых параграфах территориальные рамки исследования расширены до территории Северо-Восточной Азии, а также стран Западной Европы.

Теоретико-методологической основой исследования выступили принципы историзма и объективности, которые являются базовыми для работы историка. Принцип историзма дал возможность исследовать проблему становления историографической традиции Корейского полуострова как в хронологической последовательности, так и в ее концептуальном единстве. Объективность в работе достигалась путем охвата широкого комплекса историографических источников, авторами которых являются корейские, западные и отечественные специалисты.

Среди специальных методов были использованы историко-генетический и сравнительно-исторический. Первый метод позволяет изучить закономерности развития корейской историографии с древнейших времен до настоящего времени, в то время как второй – выявить ее отличительные черты в сравнении с классической китайской и западной историографическими традициями.

Сочетание различных методов позволяет провести комплексное исследование традиции корейского историописания, которая включает в себя ряд проблемных вопросов, носящих как самостоятельный, так и взаимосвязанный и взаимозависимый характер.

Также в проведенном исследовании при анализе последствий японской оккупации и Корейской войны активно использовались теория исторической травмы (К. Карут, С. Шама, Дж. Эдкинс) и теория национальной идентичности, которые легли в основу анализа современной корейской исторической литературы. Основным принципом этой методологии исследования является прояснение «забытых» или ставших «фигурами умолчания» травматических событий прошлого, прорывающихся на поверхность общественного сознания чаще в виде художественных образов.

Определенным методологическим ресурсом диссертации стала также концепция «мест памяти» («lieux de memoire»). Занимаясь проблемами культурной памяти французский историк Пьер Нора и коллектив его соавторов выявили, что историческая память приобретает овеществленную форму не только в виде географических объектов. Столь же почти вещественным, символическим наполнением для исторической памяти могут обладать исторические персоналии, предметы, события, шедевры культуры, если они в какой-то мере определяют национальную идентичность ныне живущих поколений³⁰.

Концепция национальной идентичности, являющаяся одним из ключевых направлений развития как теорий социального конструктивизма, так и современных процессов этнополитического самоопределения, начиная с 1970-х гг., позволяет выявить набор ценностей, символов, мифов, традиций и воспоминаний, определяющих базовые характеристики общественного сознания современного южнокорейского социума³¹.

Источниковую базу исследования составляют научные труды специалистов Республики Корея, опубликованные как в южнокорейских, так и западных периодических изданиях. По полноте представленного материала данные работы не являются равнозначными, но представляют несомненную научную ценность, так как в своей совокупности дают представление о развитии рассматриваемой в диссертации проблемы. Еще одной отличительной чертой данных источников является их неоднородность, что связано с особенностями предмета исследования.

В соответствии с целями и задачами диссертационного исследования источники можно разделить на несколько тематических групп.

В первой группе собраны работы, посвященные становлению историографической традиции Кореи. Исследования, относящиеся к данной группе можно разделить на те, в которых были изучены отдельные периоды развития корейской историографии и те, в которых представлена ретроспектива становления корейской традиции историописания. В своей сумме данные исследования позволяют проследить процесс зарождения и развития корейской историографии с

³⁰ Франция – память / П. Нора [и др.]. СПб., 1999.

³¹ Трубкинова Н. В. Научный и политический дискурсы идентичности: способ самоопределения или изобретение традиций? // Политики культурной идентичности : международный журнал исследований культуры. 2010. Вып. 1.

древнейших времен до начала XXI в., выявить основные этапы этого процесса и определить внешние факторы, повлиявшие на развитие корейской историографии³².

Вторая группа источников посвящена анализу отдельных исторических хроник, созданных на Корейском полуострове. Авторы этих работ изучили содержательную сторону летописей, а также сам процесс их создания и значение, которое хроники имели для развития исторической мысли³³. Наибольший интерес у ученых вызвали такие хроники, как «Чосон ванджо силлок», «Самгук саги» и «Самгук юса», являющиеся прекрасным источником по древней и средневековой истории Кореи. Анализ данных летописей позволил авторам определить, когда конфуцианская традиция историописания стала основной на Корейском полуострове, насколько точно корейские историографы соблюдали конфуцианские правила написания исторических сочинений, оказывал ли влияние на корейскую историографию буддизм и многие другие.

К третьей группе источников относятся исследования проблемы национальной идентичности жителей Корейского полуострова с XIX по начало XXI вв.³⁴. Вопрос формирования национального самосознания населения Корейского полуострова в настоящее время является одним из наиболее востребованных среди корейских специалистов, что объясняется нерешенностью проблемы раскола страны. Авторы рассматривают процесс формирования и развития национальной идентичности как реакции на «открытие» Кореи внешнему миру на рубеже XIX-XX вв. и Корейскую войну, бывшую, по сути, гражданской. Эти вопросы тесно связаны с проблемой формирования национальной историографии после оккупации Корейского полуострова Японией, а также после раскола страны в середине прошлого столетия.

³² Choi Yng-ho. An Outline History of Korean Historiography // Korean Studies. 1980. Vol. 4; Kwon Yonung. Korean Historiography in the 20th Century: a Configuration of Paradigms // Korean Journal. 2000. Spring; Чон Чэхун. 19 segi Чосон-ый чхульхап мунхва (Издательская культура Чосона в 19 в.) // Хангук мунхва (Культура Кореи). 2011. Вып. 54.

³³ Exploring Korean History Through World Heritage. [S.I.], 2010; Ilyon. Samguk Yusa: Legends and History of the three Kingdoms of Ancient Korea : transl. from kor. [S.I.], 2006; Kim Pusik. The Koguryo Annals of the Samguk Sagi : transl. from kor. [S.I.], 2011.

³⁴ Boo Eung Koh. The Transformation of Korean National Identity // Bikyomunhak. 2008. Vol. 44; Chung Byung-No. Between Defector and Migrant: Identities and Strategies of North Koreans in South Korea // Korean Studies. 2008. Vol. 32; The Development of Modern South Korea. State Formation, Capitalist Development and National Identity / ed. Kyong Ju Kim. Oxon, 2006; Young Chul Cho. Security, Nationalism and Popular Culture: Screening South Korea's Uneasy Identity in the Early 2000s // East Asia. 2009. No. 26.

Четвертую группу источников составляют издания, позволяющие выявить основные травматические события в новой и новейшей истории Кореи, а также исследования «мест памяти» корейского народа: демилитаризованной зоны (ДМЗ), постлиберальной литературы, послевоенных фильмов, а также дворца Кёнбоккун как символа императорской власти и величия «страны утренней свежести»³⁵.

Основные научные положения, выносимые на защиту:

1. Генезис национальной корейской историографии проходил под сильным влиянием соседнего Китая, в результате чего на Корейском полуострове утвердилась конфуцианская традиция историописания, просуществовавшая в качестве основного подхода к изучению прошлого вплоть до начала XX в.

2. Корейские историки приобщаются к западным методологическим подходам через посредничество Японии и, в меньшей степени, Китая после «открытия» страны в конце XIX в.

3. Конфуцианская традиция историописания была ориентирована на потребности королевского двора и не сыграла значимой роли в формировании национальной идентичности корейцев, которая начала осознаваться ими лишь в процессе японской и западной экспансии.

4. Оккупация Корейского полуострова Японией и Корейская война являются наиболее трагичными событиями в современной истории корейского народа и могут оцениваться сквозь призму теории исторической травмы по следующим признакам: замалчивание указанных периодов в исследованиях современной южнокорейской историографии; отсутствие объективного (или нейтрального) отношения жителей РК к Японии и КНДР как на бытовом, так и на государственном уровнях, медленное формирование новой южнокорейской идентичности как способ преодоления травмы.

Научная новизна диссертационного исследования определяется малой и фрагментарной изученностью в отечественном корееведении проблемы становления историографической традиции Корейского полуострова, а также рассмотрением сложившейся в XX в. Корейской проблемы и национальной идентичности современных корейцев сквозь призму теории исторической травмы, которая ранее

³⁵Choi Jongdeok. The Palace, the City and the Past: Controversies Surrounding the Rebuilding of the Gyeongbok Palace in Seoul, 1990-2010 // Planning Perspectives. 2010. Vol. 25, no. 2; Jeon Seung-Hee. War Trauma, Memories, and Truths: Representation of the Korean War in Park Wan-so's Writings and in «Still Present Pasts» // Critical Asian Studies. 2010. Vol. 42, no. 4; Shim Ae-Gyung. Anticommunist War Films of the 1960s and the Korean Cinema's Early Genre-Bending Traditions // Acta Koreana. 2011. Vol. 14.

не применялась в корееведении. Многие источники, используемые в работе, впервые введены в исследование на русском языке.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в возможности использования его фактического материала, основных положений и выводов при подготовке учебных пособий, аналитических сообщений по истории исторической мысли, а также истории и культуры Кореи.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования получили отражение в восьми научных публикациях, две из которых вышли в журналах, рекомендованных ВАК, а также в выступлениях автора на трех международных, одной всероссийской и двух региональных научных конференциях. Кроме того, результаты диссертационной работы были использованы при разработке лекционного курса по истории Кореи и культуре Кореи.

Диссертационное исследование имеет следующую *структуру*: введение, две главы, заключение и список использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы, определены цели и задачи, а также предмет и объект исследования, обозначены хронологические рамки, методологическая основа, дана характеристика источниковой базы, сделан историографический анализ темы исследования.

В первой главе «Историческая традиция Корейского полуострова» представлен генезис исторической мысли на Корейском полуострове с древних времен до конца нового времени, обозначены его основные этапы и характерные черты.

Первый раздел «Становление конфуцианской традиции историописания. Специфика Кореи» посвящен вопросам о зарождении корейской историографии, становлении в Северо-Восточной Азии традиции классического конфуцианского историописания, его отличительных чертах в сравнении с античной традицией, а также о воздействии Китая на формирование историографической традиции Корейского полуострова.

Население Корейского полуострова с древнейших времен испытывало культурное влияние соседних народов, что нашло свое отражение и в историографии. Наиболее значимую роль в этом процессе сыграл Китай, через который на Корейский полуостров проникло конфуцианство и буддизм. Последний

являлся государственной религией Трех государств, что обусловило его влияние на первые исторические сочинения Кореи. Однако уже с XII в. и вплоть до начала XX в. конфуцианская традиция историописания стала основной при составлении официальных летописей страны. Тем не менее, до конца XIV – начала XV вв. – времени прихода к власти на полуострове династии Ли, при которой конфуцианство стало государственной идеологией, историки Кореи позволяли себе некоторую степень свободы, отходя от установленных в конфуцианстве строгих норм историописания, в частности, содержание первых «силлок» («реальных записей») Корё было шире, чем приписывалось канонами конфуцианской историографии.

Во втором разделе «Историография в период правления династии Ли. Укрепление позиций конфуцианской традиции историописания» показаны изменения, которые претерпела историческая мысль Кореи с приходом к власти династии Чосон, сделавшей конфуцианство государственной идеологией. На рубеже XIV-XV вв. в результате дискредитации буддизма, являвшегося государственной религией, конфуцианству удалось укрепить свои позиции при дворе. Отныне все сферы жизни корейского общества приводились в соответствие с учением Конфуция, знаменуя переход к следующему этапу развития корейской историографии. С утверждением новой правящей династии и государственной идеологии историописание на Корейском полуострове поднялось на новый уровень. Теперь все государственные ведомства были обязаны составлять собственные хроники и отчеты, использовавшиеся впоследствии при написании «Чосон ванджо силлок». Большое значение имело появление «частных историй» («яса») являвшихся источником альтернативной истории. Авторами этих трудов были образованные конфуцианцы, представители различных политических партий, с XVI в. борющихся за влияние при дворе.

Принадлежность к той или иной группировке оправдывала и взгляды ее представителей на свое прошлое, поэтому в позднем Чосоне исторические сочинения были более разнообразными, нежели в предшествующий период Корё.

Третий раздел «Историописание в Корее после «открытия страны» (конец XIX в.) и в период японской оккупации (1920-1945 гг.)» раскрывает сущность трансформации традиции историописания Кореи в процессе «открытия» страны западным державам и захвата власти в Корее японцами. С точки зрения новаций для корейской историографии колониальный процесс означал знакомство с

позитивистским подходом, уже освоенным в Японии. Конфуцианская традиция историописания и конфуцианство как таковое к этому моменту были дискредитированы в глазах корейского общества, так как отождествлялись с потерей национальной независимости.

Действительный интерес японских ученых к изучению истории Кореи был обусловлен политическими потребностями Японской империи доказать правомерность оккупации Корейского полуострова, что привело к сильным перекосам в ее изложении, настойчиво внедряющим мысль о цивилизационной зависимости Кореи от Японии. Как следствие, мысль о культурной и экономической отсталости Кореи укоренилась глубоко в сознании корейцев, став основой глубокой и до сих пор непреодоленной исторической травмы.

Наряду с колониальным японским и позитивистским подходами в Корею получили определенное распространение марксизм, происходило медленное становление национальной историографии. За содержание, противоречащее японскому колониальному видению корейского прошлого, работы, написанные с точки зрения других концепций, находились под запретом, а авторы подвергались гонениям.

Вторая глава диссертационного исследования «Современная южнокорейская историография и рефлексия об исторической травме корейцев во второй половине XIX – начале XX вв.» посвящена проблеме развития исторической науки в Корее после освобождения страны от японского колониального правления и раскола нации, а также вопросу о влиянии травматических событий XX в. на национальную идентичность корейцев.

В первом разделе «Векторы современной корейской историографии 1945-2010 гг.» раскрывается суть изменений, произошедших в историографической традиции Корейского полуострова после образования на его территории двух независимых государств – Республики Корея и КНДР, однако, в связи с отсутствием достоверной информации о развитии исторической науки Северной Кореи акцент сделан на ее развитии в южной части полуострова.

Необходимость переосмысления исторического прошлого, приведшего к потере страной независимости и Корейской войне, обусловила дальнейшее развитие историографической традиции Корейского полуострова.

Из тех сведений, которые нам доступны, можно сделать вывод, что главной задачей северокорейских историков является доказательство превосходства корейской нации над соседними государствами при акцентировании внимания на роли северной части Корейского полуострова в процессе становления государственности на данных территориях.

В своем развитии южнокорейская историография претерпела ряд трансформаций, обусловленных изменением внутривнутриполитической ситуации. Национализм и позитивизм являлись основами развития историографии на Корейском полуострове после его освобождения и послужили мощным толчком для формирования либеральной демократии.

Авторитарный режим и обстановка идеологического противостояния привели к фактически полному отрицанию марксистской методологии, популярной в среде молодых интеллектуалов, недовольной политикой правительства. Но, парадоксальным образом, именно прежние марксистские конструкции «азиатского способа производства» и «теории стагнации» сохранились, со времен японской оккупации, как основные методологические подходы южнокорейской историографии вплоть до последнего десятилетия.

Либерализация внутривнутриполитического режима в Южной Корее в 1980-1990-х гг. привела к формированию «постнационалистической» историографии. Представители данного направления настаивали на том, что историография должна освободиться от парадигмы «монолитной нации» и стать более репрезентативной и объединяющей южнокорейское общество. Наряду с официальной версией прошлого, они стремятся развивать разнообразную альтернативную историю, дающую жизнь «подавленным» воспоминаниям.

Во втором разделе «Историческая травма национальной идентичности корейцев в XX в.: истоки, проявления, последствия» показана взаимосвязь современной историографии и национального самосознания, рассмотрены как травма национальной идентичности корейского народа последствия японской оккупации Корейского полуострова и раскола Кореи, проанализирован процесс преодоления южными корейцами своей исторической травмы.

Национальная идентичность населения Корейского полуострова была сформирована в недавнем прошлом как реакция на японскую оккупацию и раскол страны. На основе анализа «мест памяти» корейского народа удалось выявить, что

именно потеря суверенитета и Корейская война являются наиболее травматичными событиями в истории Кореи XX в., продолжающими оказывать влияние на национальное самосознание современных корейцев.

В заключение диссертационного исследования представлены основные выводы работы.

Племена, заселявшие Корейский полуостров с древнейших времен, приступили к созданию исторических хроник одними из первых в мире, чему немало способствовало соседство с Китайской империей. Конфуцианская и буддистская традиции историописания оказали наибольшее влияние на историческую мысль Древней Кореи, однако уже ко времени прихода к власти династии Ли конфуцианская историография укрепила свои позиции в качестве основного государственного подхода к созданию исторических сочинений и главенствовала вплоть до начала XX в.

Несмотря на приверженность конфуцианской традиции историописания, иногда большую, нежели в самом Китае, некоторые отличительные черты корейской историографии существовали. В частности, в государстве Корё и в первые годы правления династии Ли «силлок» содержали более разнообразную информацию о жизни государства, нежели это предписывалось конфуцианской традицией; по корейской традиции – «сечхо» – после написания «силлок» черновики историка стирали в воде с целью дальнейшего использования данной бумаги.

С «открытием» Кореи и последовавшей колонизацией страны Японией, на Корейский полуостров проникли западные методологические веяния, в частности, позитивистский и марксистский подходы, сохраняющие свои позиции в южнокорейской историографии до настоящего времени. Наравне с ними в период японской оккупации были развиты японский колониальный и национальный подходы, идейно противостоявшие друг другу.

В настоящее время развитие корейской историографии происходит в рамках двух независимых государств, образованных в 1948 г. В соответствии с национальной идеологией историческая наука каждой из частей Корейского полуострова пошла своим путем, пересекаясь лишь в некоторых точках.

Можно констатировать, что историографическая традиция Корейского полуострова, развивавшаяся в соответствии с канонами конфуцианской традиции историописания, в виду своей специфики не оказала значимого влияния на

формирование национальной идентичности жителей Корейского полуострова. Ограниченность доступа к официальным историческим сочинениям, вассальная зависимость от более развитой Китайской империи, а также использование китайских иероглифов при составлении исторических хроник препятствовали формированию единой корейской нации. И лишь потеря независимости в начале XX в. заставила жителей полуострова осознать необходимость национального объединения.

Всплеск националистических идей в период японской оккупации стал своеобразным свидетельством травмы национальной идентичности. Лишившись суверенитета, корейцы пытались найти в собственном прошлом объяснение своему угнетенному положению, что привело к развитию, с одной стороны, формационного подхода и теории азиатского способа производства, а с другой, к упрочению позиций «теории стагнации». Оба этих подхода были призваны объяснить, почему Корея потеряла независимость, и вселить надежду в корейцев, что это лишь временно и вскоре страна восстановит свое бывшее положение в качестве суверенного государства.

Однако уже в середине века произошел раскол корейской нации на два независимых и враждебных государства, сопровождавшийся кровавой Гражданской войной.

Раскол Кореи может расцениваться как историческая травма корейского народа. Корейским историкам по обе стороны от 38-й параллели предстояло объяснить, чем было обусловлено данное разделение. Многие из них не нашли логического объяснения расколу страны, считая, что это событие не было обусловлено внутренним развитием страны. Часть ответственности за разделение нации до сих пор возлагается корейскими историками на внешние силы, а именно – на СССР и США.

Об исторической травме свидетельствуют противоречия исторического сознания южнокорейцев, которые продолжают относить себя и северокорейцев к единой нации, но при этом не воспринимают Республику Корея и КНДР как единое целое. Более того, в этой сложной ситуации происходит формирование новой национальной идентичности – южнокорейской, основанной на акцентировании внимания исключительно на достижениях Республики Корея.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК для публикации результатов диссертационных работ:

1. Коломина, А.А. Корейская проблема в работах советских исследователей [Текст] / А.А. Коломина // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2012. – № 3 (118). – С. 87-90. – 0,2 п.л.

2. Коломина, А.А. Корейская традиция историописания (период Трех царств – время правления династии Ли) в контексте развития современной историографии [Текст] / А.А. Коломина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 8 (14) : в 4 ч. – Ч. II. – С. 117-120. – 0,2 п.л.

Публикации в других изданиях:

3. Коломина, А.А. Изучение в современной науке возможных сценариев объединения Северной и Южной Кореи [Текст] / А.А. Коломина // Студент и научно-технический прогресс : Востоковедение : материалы XLV Международной научной студенческой конференции. – Новосибирск, 2007. – С. 120-122. – 0,1 п.л.

4. Коломина, А.А. Позиции стран-участниц шестисторонних переговоров по северокорейской ядерной проблеме [Текст] / А.А. Коломина // Студент и научно-технический прогресс : Востоковедение : материалы XLVI Международной научной студенческой конференции. – Новосибирск, 2008. – С. 129-131. – 0,1 п.л.

5. Коломина, А.А. Современная историография Корейской войны (1950-1953 гг.) [Текст] / А.А. Коломина // Актуальные проблемы гуманитарных наук : труды VII Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Томск : Том. политех. ун-т, 2009. – С. 192-194. – 0,2 п.л.

6. Коломина, А.А. Северокорейский ядерный кризис в работах российских исследователей [Текст] / А.А. Коломина // Вопросы истории, международных отношений и документоведения : сборник трудов студентов и аспирантов исторического факультета. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. – Вып. 6. – С. 56-57. – 0,2 п.л.

7. Коломина, А.А. Отражение раскола Кореи в современной историографии [Текст] / А.А. Коломина // Актуальные проблемы гуманитарных наук : труды VII Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Томск : Изд-во Том. политех. ун-та, 2010. – С. 343-346. – 0,2 п.л.

8. Коломина, А.А. Корейская война и ее последствия в работах американских историков [Текст] / А.А. Коломина // Актуальные проблемы гуманитарных наук : труды X Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Томск : Том. политех. ун-т, 2011. – С. 351-353. – 0,2 п.л.

9. Коломина, А.А. Раскол Кореи как травма национальной идентичности [Электронный ресурс] / А.А. Коломина // Современные коммуникативные технологии взаимодействия с целевой аудиторией : сборник трудов Всероссийской молодежной научно-практической конференции. – Томск : Графикс, 2011. – С. 328-330. – 0,2 п.л.

10. Коломина, А.А. Летописи Чосона: потенциал изучения для современной историографии [Текст] / А.А. Коломина // Актуальные проблемы гуманитарных наук : труды XI Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Томск : Изд-во Том. политех. ун-та, 2012. – С. 387-390. – 0,2 п.л.

Подписано в печать 16.11.2012 г.
Формат А4/2. Ризография
Печ. л. 1,1. Тираж 100 экз. Заказ № 16/11-12
Отпечатано в ООО «Позитив-НБ»
634050 г. Томск, пр. Ленина 34а